

Когда Сюй Инбай проснулся, уже вовсю светило солнце.

Снаружи поднялось солнце, и от его лучей снежное белье заискрилось еще ярче. Сюй Инбай сидел у угоровни, кутаясь в рукава, и лицо его по-прежнему оставалось мертвенно-бледным. Вскоре рядом с ним бесшумно опустился Фу Линъи: Из дворца снова гость, и опять лекарь.

Сюй Инбай глухо угукнул, давая понять, что расслышал.

Двое во дворце и впрямь не собирались так просто во всем верить, но нынче день на дворе — если снова заставлять Ли Куайцзы притворяться, опасно, могут и раскусить.

Подумав об этом, Сюй Инбай неторопливо поднял руку и произнес, обращаясь к Фу Линъи: Отдай мне свой кинжал.

Фу Линъи резко вскинул взгляд: Зачем тебе кинжал?

Просто отдай, — сказал Сюй Инбай, — и не спрашивай о другом.

Сюй Инбай говорил вроде бы вежливо, но в самом тоне его не допускалось никаких возражений — так и сквозило: не отдашь, мол, и катись отсюда к чертям.

Фу Линъи немного помедлил, но все же протянул свой кинжал в руки Сюй Инбаю.

Однако в тот же миг зрачки Фу Линъи сузились до точек — Сюй Инбай этим самым кинжалом полоснул себя по предплечью!

Настолько быстро, точно и жестоко, что Фу Линъи даже не успел его остановить.

Сюй Инбай закрыл глаза, едва усевшись, как тут же зашелся в жутком кашле. К горлу подступил густой привкус крови, он приподнял руку, пытаясь зажать рот, но кровь неудержимо сочилась сквозь его пальцы.

.....?

Всплеск кровавой хвори заставил спину Фу Линъи покрыться холодным потом, помимо воли пробуждая воспоминания о прошлой жизни. Он опустил голову, его кадык судорожно дергался, сдерживая прерывистое и частое дыхание.

Фу Линъи с трудом поднял на него глаза и выпалил срывающимся голосом:.....Если тебе так нужна кровь и запах железа, полосни меня! Зачем калечить себя?!

Только что договорив, Фу Линъи снова глубоко опустил голову.

Сюй Инбай! — яростный крик рухнул следом за алой кровью.

Сюй Инбай от неожиданности даже вздрогнул и поднял глаза на Фу Линъи.

Какое еще безумие на него нашло?

Голос прозвучал слишком тихо, стражники за дверью даже не расслышали. Сюй Инбай мысленно вздохнул и уже собирался повторить приказание, как Фу Линъи перехватил его руку и, поддерживая, повел к кровати.

Фу Линъи резко сжал его запястье и сквозь зубы процедил:.....Ты... что ты творишь?

Сюй Инбай посмотрел на согнутую спину Фу Линъи и только хотел было спросить, с какого дуба тот рухнул, как с крыши соскочил один из тайных стражников: Хозяин, лекари уже подходят к дверям.

И с каких это пор люди стали просить других себя резать?

Зубы Фу Линъи стучали. Глядя на рану Сюй Инбая — слишком свежую, кровоточащую, с капающими на пол алыми каплями — он чувствовал, как глаза наливаются кровью, а голос дрожит до неузнаваемости:.....Зачем?

Сюй Инбай пояснил: Чтобы не вызывал подозрений, пустил немного крови для запаха.

Хм... кхе-кхе-кхе... Я просто... выпил лекарство, чтобы изобразить болезнь. — Сюй Инбай открыл глаза и невозмутимо воззрился на перекошенное лицо Фу Линъи. — Км, почему ты такой зеленый? Неужели я тебя напугал?

Зачем так с собой... почему эта кровь никак не остановится...

Стоило пилюле опуститься в желудок, как лицо Сюй Инбая сделалось еще более серым и мертвенным. Он приподнял руку и тихо выдохнул: Поддержи меня, дойдем до кровати.

Видя, как Фу Линъи со страхом и паникой в глазах бросается к нему, судорожно срывая с себя тканевую полосу, чтобы перевязать рану, Сюй Инбай невольно с удивлением посмотрел на его темную макушку и пояснил: Все не так серьезно... суцая царапина.

Сюй Инбай кивнул, затем извлек из рукава маленькую нефритовую склянку, вытряхнул пилюлю и проглотил ее.

Сюй Инбай недоумевающе смотрел на Фу Линъи, никак не взяв в толк, о чем тот вообще думает.

Хотя нет, — подумав, Сюй Инбай искренне изумился, — ты ведь не должен бояться крови.

Угольно-черные ресницы Фу Линъи дрогнули, и он отвел взгляд.

.....

Сюй Инбай с любопытством наблюдал за этим ушедшим в себя Фу Линъи, подумывая отпустить пару насмешливых шпилек. Ни в этой жизни, ни в прошлой ему еще не доводилось видеть Фу Линъи в таком потерянном состоянии.

Презабавно, в конце концов, в прошлой жизни их отношения поначалу были далеки от хороших, а нынешний Фу Линъи отчего-то так сильно о нем печется.

А потому, заметив на этом лице подобное выражение, Сюй Инбай нашел зрелище поистине занятным.

Однако стоило ему приоткрыть рот, как грудь вновь прорезал приступ жестокого кашля. Сюй Инбай то вздыхал, то опадал всем телом — казалось, от надсадного кашля вот-вот треснут ребра.

Фу Линъи в испуге подорвался поддержать Сюй Инбая, в результате чего половина его одежды оказалась забрызгана кровью.

Сюй Инбай с горьким вздохом оглядел эту кровавую лужу: знал бы, что его так быстро вырвет кровью, ни за что не стал бы резать руку.

А вот лицо Фу Линъи после исторгнутой Сюй Инбаем крови вмиг побелело как лист бумаги — сам же Сюй Инбай, напротив, сохранял абсолютное спокойствие.

Он даже невозмутимо и неторопливо бросил Фу Линъи: Мм... подай-ка мне чашку теплого чая.

Прополоскав рот теплым чаем, Сюй Инбай избавился от излишнего привкуса железа. Едва Фу Линъи успел вернуть чашку на место, как управляющий Лю провел в покои врачей.

Пожаловали глава Императорской академии врачевания Бу Сиши и ее помощник Чэнь Суй — оба ходили в любимчиках у императорской семьи, а Бу Сиши и вовсе состоял личным лекарем государя и вдовствующей императрицы, что ярче всего свидетельствовало о том, насколько серьезно император относился к особе Сюй Инбая.

Они принялись по очереди проверять пульс Сюй Инбая.

Бу Сиши щупал запястье и покачивал головой, брови Чэнь Суя также сошлись на переносице.

Пульс был нитевидным, угасающим, из рук вон хаотичным — поистине предвестники близкой кончины.

Сюй Инбай опустил ресницы, внимательно следя за реакцией обоих медиков.

Закончив диагностику, Чэнь Суй бережно вернул руку Сюй Инбая на место и осторожно произнес: Глава Бу, пульс великого тайвея тонок и угасает, дело и впрямь дрянь.

Бу Сиши молча кивнул и, отвернувшись от Сюй Инбая, сдержанно обратился к управляющему Лю: Мы с доктором Чэнем выпишем тайвею пару отваров, но если не поможет... готовьтесь заблаговременно.

Это означало, что управляющему Лю поручалось хлопотать о похоронах Сюй Инбая.

Услышав такое, управляющий Лю испугался до полусмерти и чуть не рухнул перед Бу Сиши на колени. Задрожав губами, он уже собирался было переспросить, как вдруг увидел, что Сюй Инбай поднес указательный палец к губам.

Жест, призывавший к молчанию.

Управляющий Лю дрожащим глотком проглотил рвущиеся наружу вопросы: Благодарю главу Бу и доктора Чэня.

После чего проводил врачей из резиденции Сюй.

Стоило им переступить порог, как из внутренних покоев донеслись потрясшие весь дом звуки надрывного кашля и грохот падающего стула.

Сюй Инбай закашлялся так, что едва не отдал Богу душу: внутренности сотрясала боль, раскалывалась голова, кончики его тонких пальцев мелко дрожали. Фу Линъи подхватил его под мышки, прижал к своей груди, мягко похлопывая по спине, и проговорил напряженным голосом:.....Ты же говорил, что притворяешься?

Сюй Инбай стер тыльной стороной ладони кровь с губ и с видом абсолютной правоты отозвался: Кхе-кхе... даже притворяться надо правдоподобно.

Затем Сюй Инбай неторопливо выпрямился, отстранившись от объятий Фу Линъи, прислонился

к изголовью кровати и холодно бросил: К тому же, кхе-кхе, кхе-кхе-кхе... у меня и прежде была хворь.

Прокашлявшись, Сюй Инбай почувствовал себя значительно лучше и устало прикрыл глаза: Просто воспользовался случаем.

Фу Линъи замер у изголовья, сжав губы в нитку, а спустя мгновение хрипло выдавил:.....Что за болезнь... ее... можно вылечить?

Стоит человеку занемочь, как его бдительность притупляется. Задай кто подобный вопрос кому-то другому, возможно, тот бы с легкостью раскрыл правду. Но Сюй Инбай лишь разомкнул веки: Мм... к чему тебе эти расспросы?

Сюй Инбай изъяснялся неизменно мягко, и те слова, которые в устах других звучали бы острой пикировкой, у него выходили нежнее беседы благородных мужей, точно прохладная лунная гладь.

Мягко, но холодно.

Закончив, он поднял взгляд на Фу Линъи.

Сюй Инбай прекрасно знал, что у него практически не было смертельных уязвимостей — за исключением... за исключением его собственной телесной оболочки, которая стоило недугу накатить, становилась донельзя хрупкой.

За два месяца до переправы на юг, аккуратно в двенадцатую луну первого года правления Каймин, Сюй Инбай помнил, что на него совершили покушение именно в момент приступа. Он едва не расстался с жизнью прямо на месте, пролежал в постели почти целый месяц, прежде чем смог подняться, и только после этого отправился в Великую тюрьму, чтобы забрать с собой Фу Линъи.

После того случая Сюй Инбай понял, что никакие чудодейственные снадобья не продлят ему веку, и словно безумец принялся расточать остатки жизненных сил ради Великой Цзинь, прокладывая дорогу выжившему простому народу и сослуживцам.

А теперь... Сюй Инбай рассчитывал пожить еще несколько лет, а потому делиться своими слабостями ему совсем не улыбалось.

Сюй Инбай сжал побелевшие суставы собственных пальцев, ожидая ответа.

Его глаза сияли чистым холодным блеском, подернутые влажной рябью от недавнего изнурительного кашля. При всей мягкости выражения лица от него исходило столь мощное, незримое давление, что при одном взгляде на него у Фу Линъи рефлекторно возникало

желание опуститься на колени.

Ты... — Фу Линъи сжал кулаки, силясь заглянуть Сюй Инбаю в глаза, — я не желаю тебе зла.

Хм... надеялся бы, — Сюй Инбай глубоко вздохнул, опуская голову и мягко добавляя: У меня просто старая хворь, с виду страшная, но тревожиться не о чем.

Сказав это, Сюй Инбай снова откинулся на подушки, и спустя мгновение, сраженный усталостью, сомкнул веки и заснул.

Фу Линъи простоял на месте около двух палочек благовоний, по ровному и глубокому дыханию Сюй Инбая заключив, что тот действительно погрузился в сон. Лишь после этого он протянул руки, бережно поддержал голову и плечи мужчины и предельно осторожно уложил его плашмя.

Мертвенно-бледное, словно изваянное из нефритовой кости лицо Сюй Инбая легко покоилось на ладони Фу Линъи, а мягкие пряди волос выскальзывали сквозь его пальцы.

Едва-едва касаясь, Фу Линъи отнял руки.

Проболев несколько дней, Сюй Инбай очнулся уже в разгар двенадцатой луны.

Это покушение напрочь сорвало планы отправки Сюй Инбая в поход — двор не мог позволить человеку при смерти вести войска сражаться в разгар студеной зимы. Иначе главнокомандующий околел бы от болезни еще до того, как они достигли заставы Цзяюйгуань.

Находясь на одре болезни, Сюй Инбай подал мемориал с предложением назначить командующим войсками маркиза Чжунъи Сяо Лу.

Придворные зашумели.

Маркиз Чжунъи Сяо Лу и впрямь участвовал в баталиях и отличался верностью долгу, однако чаще проигрывал, чем побеждал, да и сам титул достался ему по наследству от предков. Посылать воевать с таким полководцем против Агудаму означало попросту преподнести государственные земли врагу на блюдечке с голубой каемочкой!

К тому же... разве не сам император на днях гневался на Сяо Лу? Разве подобный шаг Сюй Инбая не пощечина по лицу самого государя?

Вей Чжан пришел в лютую ярость, но в присутствии сановников сдержался; едва вернувшись во дворец, он гневно направился к вдовствующей императрице Цзяо Вань советоваться, как быть дальше.

Цзяо Вань в ту пору мило беседовала во дворце Цынин с императрицей Цзяо Унин, которая ласково гладила свой животик с блаженной улыбкой на устах.

Завидев входящего Вэй Чжана, та поспешно поднялась для поклона, надеясь на ласку мужа, однако Вэй Чжан грубо оттолкнул ее прочь. Цзяо Унин от неожиданности вскрикнула и едва не рухнула на пол, к счастью, услужливая служанка вовремя подхватила ее под локоть.

Императрица носила под сердцем наследника престола! Случись с ней что дурное — беды не миновать!

Цзяо Унин обиженно посмотрела на Вэй Чжана и Цзяо Вань, но не дождалась ни капли сочувствия — напротив, Вэй Чжан с раздражением зыркнул на нее: У меня с матушкой важный разговор, чего ты до сих пор здесь околачиваешься?

Цзяо Вань с бесстрастным видом потягивала чай и вмешиваться не спешила.

Цзяо Унин теребя в пальцах платок, со скорбным лицом удалилась.

Дождавшись, пока она скроется из виду, Цзяо Вань опустила чашу и беззлобно пожурела Вэй Чжана: Жена носит наследника, тебе бы проявлять побольше заботы.

Вэй Чжан только отмахнулся: Подумаешь, брюхата, эка невидаль! Матушка, я пришел по делу первостепенной важности.

Он выложил все происшествие на дух, и брови Цзяо Вань сошлись на переносице: А что говорит по этому поводу евнух Лю?

Евнух Лю говорит, — поморщился Вэй Чжан, раздраженный тем, что даже перед матерью приходится оглядываться на мнение Лю Мана, — что Сяо Лу вполне сгодится. Отправим прочь тех, кто выступает против переправы на юг, хоть глаза мозолить не будут, а когда проиграет битву, заодно и титула лишим, и вырежем весь род подчистую.

Цзяо Вань кивнула: Разумно рассуждает евнух Лю. Так и поступим, зачем тогда спрашивать матушку?

Слова словами, но ведь он ущемил мое достоинство! — вспыхнул Вэй Чжан. — Как мне теперь смотреть в глаза министрам?!

Ты — император, чего тебе бояться? — ласково утешила его Цзяо Вань. — Потерпим малость. Как только он проиграет войну, поводов сорвать злость у тебя прибавится!

А уж казнить или помиловать — решать тебе, императору.

Слова матери вернули Вэй Чжану душевное равновесие. Поразмыслив, он понял, что та права, и в конце концов дал свое согласие.

Вскоре императорский указ о назначении маркиза Чжунъи Сяо Лу главнокомандующим отправился в Резиденцию маркиза Чжунъи.

Сяо Лу принял указ в кругу домочадцев, снедаемый тягостными предчувствиями.

Никто не ожидал, что Сюй Инбай выдвинет именно его кандидатуру. Сяо Лу отлично понимал, что выдающимся полководцем отнюдь не является, и за душой у него, кроме верности престола, практически ничего нет. Против свирепых и искусных в бою воинов Уцзюэ во главе с Агудаму ему светило разве что поражение.

Стоит проиграть — и рухнет всё: не только земли отойдут неприятелю, но и на родной дом падет кара.

В разгар терзаний Сяо Лу в ворота его резиденции постучал молодой человек в одеждах слуги и передал ему записку.

В послании значилось всего несколько строк: Господин маркиз, завтра в полдень, жду в Янсяотане.

И ниже размашистая, твердая подпись: Искренне ваш, Сюй Инбай.

<http://bllate.org/book/18659/1798855>